

О. И. ТОГОЕВА

## ИСТОРИЯ ОДНОГО РУКОПОЖАТИЯ ОТ ДОМЫСЛОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИСТОВ К ВЫМЫСЛАМ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ<sup>1</sup>

В статье анализируется легенда о рукопожати, якобы имевшем место между Жаном Бесстрашным, герцогом Бургундским, и Капелюшем, королевским палачом и руководителем восстания черни в Париже летом 1418 г. На основании всех имеющихся в распоряжении историков сведений XV в. (сообщений в «Хронике» Мишеля Пинтуэна, в «Журнале» Парижского горожанина, в «Журнале» Клемана де Фокамберга, в хрониках Ангеррана де Монстреле, Жана Рауле и Жана Ле Февра, в «Истории Карла VI» Жана Жувеняля дез Урсена и в «Истории Карла VII» Тома Базена), а также на основании французской историографии XVIII–XX вв. автор пытается восстановить ход возможной встречи палача и герцога и ответить на вопросы, был ли распространен в средневековой Франции такой жест как рукопожатие и каковы были истинные причины казни Капелюша по приказу Жана Бесстрашного.

**Ключевые слова:** Франция, XV век, историческая память, Столетняя война, Париж, Жан Бесстрашный, палач Капелюш

Событие, о котором пойдет речь, произошло во Французском королевстве в самый разгар Столетней войны. В мае 1418 г. Париж оказался захвачен бургундскими войсками, и в городе началось массовое истребление сторонников арманьяков и простых жителей, продолжавшееся несколько месяцев. Как отмечал в своем «Дневнике» Парижский горожанин, «не было ни единой улицы, где бы не совершались убийства, и нельзя было пройти и сотни шагов, чтобы не наткнуться на труп»<sup>2</sup>. Подобная жестокость, писал Мишель Пинтуэн, монах Сен-Дени, «заставила бы содрогнуться и сарацин»<sup>3</sup>. Лишь немногим – в том числе дофину Карлу (будущему Карлу VII) – удалось спастись бегством<sup>4</sup>, но

---

<sup>1</sup> Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность» (проект «Профессиональная историография и национальная память»).

<sup>2</sup> «Et si n'eussiez trouvé à Paris rue de renom, où n'eût été aucune occision, et en mains qu'on irait cent pas de terre depuis que morts étaient» (Journal d'un bourgeois de Paris 1990. P. 112). Подробнее о событиях, развернувшихся в Париже весной-летом 1418 г., см.: Guenée 1992. P. 265-281.

<sup>3</sup> «Quod sane et sarracenicæ crudelitas horruisset» (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 248).

<sup>4</sup> «Et quand le prévôt de Paris, nommé Tanguy de Chatel, vit Fortune ainsi contre lui, et que les Bourguignons tâchent à emprisonner les autres en plusieurs prisons diverses, et le commun à piller, vint à Saint-Pol, et prit le dauphin aîné fils du roi et s'enfuit tout droit à Melun, qui moult troubla la ville de Paris» (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 109-110). Подробнее о бегстве дофина Карла из Парижа летом 1418 г. см.: Цатурова 2007. С. 159-180.

партия арманьяков оказалась обезглавленной, ибо в схватке с бургундцами погиб не только сам Бернар д'Арманьяк, коннетабль Франции, но и целый ряд его высокопоставленных сторонников: Анри де Марль, канцлер Франции, Жан Годе, великий мэтр артиллерии, Робер де Тюильер, лейтенант по уголовным делам королевского прево, Удар Байе, советник Парижского парламента, и многие другие<sup>5</sup>.

Бесчинства, творившиеся в столице, не помешали, тем не менее, торжественному въезду в город Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, который прибыл в Париж в сопровождении Изабеллы Баварской 14 июля 1418 г. Напротив, согласно очевидцам событий, его появление было встречено собравшимися людьми слезами и криками радости<sup>6</sup>. Герцог, с полного согласия Карла VI и при поддержке королевы, получил в свои руки все дела по управлению страной. Уже 22 июля он назначил новых, преданных ему лично членов Парижского парламента, советников в Палату прошений и в Палату счетов, а 2 августа утвердил новый состав королевской канцелярии<sup>7</sup>.

Между тем, волнения в городе не прекращались. И вот, спустя какое-то время, проезжая по улицам французской столицы, Жан Бесстрашный – случайно или намеренно – повстречался с одним из организаторов беспорядков, палачом Капелюшем. Не будучи с ним знакомым, герцог пожал ему руку, но узнав позднее, с кем имел дело, приказал казнить Капелюша, дабы его кровью смыть позор от подобного прикосновения. Приведение приговора в исполнение состоялось 26 августа 1418 г.

Легенда о встрече герцога и палача довольно популярна в современной историографии, хотя специалисты обычно лишь констатируют сам факт рукопожатия (или прикосновения к руке), которым обменялись наши герои<sup>8</sup>. Опираются они, впрочем, на наработки историков XVIII–XIX вв., довольно часто останавливавшихся на данном сюжете. Если суммировать все сказанное ими, то перед нами предстает поистине удивительная картина. Капелюш, согласно эти выкладкам, вовсе не был

---

<sup>5</sup> Journal d'un bourgeois de Paris. P. 112-113; Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 6. P. 250.

<sup>6</sup> "Ils furent reçus avec tels honneurs et joie qu'onques dame ou seigneur avait été en France, car partout ou ils passaient, on criait à haut voix 'Noël!' et peu y avait gens qui ne pleurassent de joie et de pitié" (Journal d'un bourgeois de Paris. P. 123-124). "Et de porta Sancti Antonii pertranseunt usque ad castrum Lupare, et regias laudes ubique per vicos et compita altissonis vocibus conclamantes, nil aliud in ore omnium utriusque sexus resonabat nisi: 'Vivat rex et regina duxque Burgundie, et fiat pax'. Diei et noctis residuum in signum exuberantis leticie more suo in choreis et cantilenis per circuitum ignium transegerunt" (Chronique du Religieux de Saint-Denys. T. 6. P. 252-254).

<sup>7</sup> Ordonnances des rois de France 1723-1849. T. 10. P. 456-463.

<sup>8</sup> См., к примеру: «Чего стоит один лишь жест зачинщика погромов 1418 г. палача Капелюша, протянувшего руку, чтобы поздороваться "со своим свояком" – герцогом Бургундским» (Уваров 1994. С. 184, курсив мой – О.Т.). См. также: Journal d'un bourgeois de Paris 1990. P. 128, note 187; Morel 2007. P. 58; Armand 2012. P. 84.

обычным палачом. Напротив, для человека столь низкого социального статуса он вознесся исключительно высоко благодаря своей политической деятельности. Он являлся не просто одним из руководителей творившихся в 1418 г. в Париже бесчинств, но был единственным их вдохновителем. Именно так он превратился в ближайшего пособника и доверенное лицо герцога Бургундского, политические амбиции которого и стали истинной причиной массовой гибели парижан. Палача и герцога связывали узы дружбы и почти родственной близости, недаром Капелюш называл Жана своим «кумом». И все же его чрезмерная жестокость не позволила герцогу продолжить столь сомнительное знакомство: при первом же удобном случае он постарался избавиться от своего приближенного, отдав того под суд и казнив.

История молниеносного вознесения и падения фаворита – не такая уж большая редкость для эпохи Средневековья или Нового времени. Однако при внимательном рассмотрении наш случай вызывает огромное количество вопросов. Первым же и самым, пожалуй, принципиальным из них является следующий: какие источники свидетельствовали о близком знакомстве наших протагонистов, и каковы, по мнению авторов XV в., были их отношения.

\*\*\*

Начнем с событий лета 1418 г. в описании их *очевидцев*. Таких рассказов в нашем распоряжении имеется всего три – это сообщения уже упоминавшихся Мишеля Пинтуэна и Парижского горожанина, а также свидетельства Клемана де Фокамберга, секретаря Парижского парламента по гражданским делам. Любопытно, что ни один из них вообще не писал о том, что палач и герцог были знакомы: все они полагали, что казнь Капелюша произошла по решению, вынесенному королевским прево Парижа, или по приказу короля<sup>9</sup>. Вместе с тем Клеман де Фокамберг и Мишель Пинтуэн действительно считали палача одним из главных руководителей восстания черни<sup>10</sup> – «трех или четырех тысяч отъявленных мерзавцев», которых он объединил под своей властью<sup>11</sup>. Ту же идею

<sup>9</sup> “Ce jour, un nommé Capeluche et deux autres... par la sentence et jugement du prevost de Paris, furent condempnez à mort et furent decapitez, et eurent chacun d’eulz ung poing copé es Halles de Paris, et leurs corps mis au gibet” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 155-156); “Nephanda ejus homicidia et injusta vindicanda justicie regie commiserunt. Qui nec mora ipsum cum duobus ejus consortibus principalioribus statuit subire publice sententiam capitalem” (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 266); “Il advint un peu de jours après qu’il en fut pris et mis au Châtelet, lui troisième de ses complices, et au bout de trois jours après eurent les têtes coupées” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 129).

<sup>10</sup> “Capeluche et deux autres qui avoient esté des plus principaulz conspirateurs et aucteurs de la commocion et malefices commis et perpetrez en la ville de Paris” (Fauquembergue 1903. P. 155).

<sup>11</sup> “Abjectissimi viri ac viliores civitatis sic sibi in cunctis obediebant, quod brevissimo spacio ad scelera perpetranda, divina et humana animadversione certe digna, usque ad tria vel quatuor milia congregasset” (Chronique du Religieux de Saint-Denis 1852. Т. 6. P. 266).

развивали и авторы, писавшие в 1420–1460-х гг. Так, Жан ле Февр, вслед за очевидцами событий, именовал Капелюша «главным тираном» среди погромщиков<sup>12</sup>. Ангерран де Монстреле и Жан Рауле называли его одним из главных «капитанов» парижан<sup>13</sup>, что само по себе было весьма показательным, ибо «капитаном» являлся для жителей столицы и сам герцог Бургундский, которому они принесли клятву верности в августе 1418 г.<sup>14</sup> Таким образом, через данное определение, пусть и косвенно, подчеркивалось равенство, существовавшее в определенный момент между нашими двумя героями – равенство по занимаемой должности, хотя, скорее, в символическом, нежели в реальном смысле.

В те же годы впервые зазвучала и мысль о том, что Капелюша связывали с Жаном Бесстрашным *особые* отношения. И если Пьер де Фенен всего лишь сообщал, что палач «всегда» являлся сторонником бургиньонов<sup>15</sup>, то Жан Рауле уже совершенно прямо заявлял: в 1418 г. Капелюш сосредоточил в своих руках такую власть, что называл герцога своим «кумом»<sup>16</sup>. Именно благодаря хронике Рауле – единственного, кто использовал это выражение, – данная версия событий получила распространение в современной специальной литературе<sup>17</sup>, а также в Интернете<sup>18</sup>. Впрочем, оказалась она востребованной и во второй половине XV в.

Главным источником здесь становится «История Карла VI» Жана Жувенала дез Урсена, ее точная датировка неизвестна, но можно сказать, что создана она была до 1473 г., когда автор скончался. Исследователи отмечают, что на «Историю» оказала большое влияние «Хроника» Мишеля Пинтуэна, откуда дез Урсен заимствовал подчас целые пассажи<sup>19</sup>. Однако в том, что касается интересующего нас эпизода, автор «Истории»

---

<sup>12</sup> “Et estoit le plus principal d’iceulx tirans nommé Capeluche, lequel estoit bourel de Paris” (Chronique de Jean Le Fevre. T. 1. P. 338).

<sup>13</sup> “Desquelles communes estoit ung des principaulx capitaines Capeluche, bourreau de Paris” (Chronique d’Enguerran de Monstrelet. T. 3. P. 290). “Tellement fut la ville gouvernée par ces moyens que le bourreau nommé Capeluche en fut capitaine pour aucuns jours” (Chronique de Jean Raoulet. P. 143).

<sup>14</sup> “Ce sont les noms de ceulx de la ville de Paris qui ont fait le serement es main monseigneur le duc de Bourgoigne que ilz seront bons, vraz et loyaulx au Roy, à monseigneur le duc de Bourgoigne, leur capitaine, et à la ville de Paris” (Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment. P. 371).

<sup>15</sup> “Et y avoit un bourrel, nommé Capeluche, qui *tousjours* avoit tenu le party au duc Jehan” (Mémoires de Pierre de Fenin 1837. P. 93, курсив мой – О.Т.).

<sup>16</sup> “Et fut en si grant autorité avec un autre satellite, nommé Caboche, qu’il appelloit le duc de Bourgogne *son beau frere*” (Chronique de Jean Raoulet. P. 143, курсив мой – О.Т.).

<sup>17</sup> См. прим. 8.

<sup>18</sup> См., напр.: “Le duc de Bourgogne, Jean sans Peur, forcé d’accepter son concours, le ménagea d’abord, mais, dès que son pouvoir fut affermi, il ne supporta son insolence et ses excès, et le fit décapiter en 1418 ou 1419” (<http://fr.wikipedia.org/wiki/Capeluche>); “Le nouvel homme du jour était le sinistre bourreau Capeluche. Devenu chef des Halles, il affectera des manières de gentilhomme, serrera la main de Jean sans peur et l’appellera son “beau frère” (<http://forumazincourt.forumgratuit.org/t155-capeluche-bourreau-de-paris>).

<sup>19</sup> Tyl-Labory 1992(a). P. 795-797.

(которым, возможно, являлся секретарь дез Урсена<sup>20</sup>) был явно совершенно самостоятелен. Иначе трудно объяснить тот полет фантазии, который он в данном случае продемонстрировал.

Вслед за Ангерраном де Монстреле, Жаном Рауле и Жаном ле Февром Жан Жувеналь также называл Капелюша «капитаном» парижской черни<sup>21</sup>. Однако особое внимание он уделил *личным* отношениям своих героев, их частым встречам и разговорам, во время которых палач вел себя «как будто был сеньором»<sup>22</sup>. Именно это сближение, по мнению дез Урсена, и стало причиной смерти Капелюша: Жан Бесстрашный, «не догадываясь, что имеет дело с палачом», подал ему как-то руку. Тот дотронулся до нее и поплатился за это головой<sup>23</sup>.

Мы не знаем, откуда дез Урсен позаимствовал данную информацию, поскольку в тексте имелась лишь глухая ссылка на слухи: «поговаривали» (*disoit-on*), отмечал автор, об имевшем место прикосновении, но кто именно и где «поговаривал», не сообщал. Тем не менее, теми же слухами, очевидно, воспользовался и Тома Базен, писавший практически одновременно с дез Урсеном. Опираясь на «Историю Карла VI» он, скорее всего, не мог, поскольку в «Большие французские хроники» в издании Паскье Бонома 1476 г. вошла только первая часть этого сочинения, охватывавшая 1380-1402 гг.<sup>24</sup>, да и создавал Базен свою «Историю Карла VII» несколько раньше – в 1471-1473 гг. Кроме того, в этот период он вообще отсутствовал во Франции: в 1471 г. епископ Лизье жил в Трире, а в 1474 г. перебрался оттуда в Рим<sup>25</sup>. Однако совершенно очевидно, что слухи об особых отношениях Жана Бесстрашного с парижским палачом до Базена дошли, иначе трудно объяснить, почему он изложил в своем труде именно эту версию событий. Согласно «Истории Карла VII», в один прекрасный день герцог повстречал на парижской улице Капелюша, ехавшего верхом в окружении свиты, и принял его за «принца крови или капитана». Он поздоровался с ним, однако, узнав, что имеет дело с «человеком низкого происхождения», приказал его казнить<sup>26</sup>.

<sup>20</sup> Ibid. P. 797.

<sup>21</sup> «Il y eut une grande commotion de peuple; et disoit-on que Capeluche le bourreau en estoit le capitaine» (Jouvenel des Ursins 1836. T. 2. P. 543).

<sup>22</sup> «Et plusieurs fois venoit ledit Capeluche parler au duc de Bourgogne, accompagné de meschantes gens, aussi hardiment que si c'eust esté un seigneur» (Ibid., курсив мой – O.T.).

<sup>23</sup> «Et disoit-on qu'on luy avoit fait couper, pource qu'il avoit touché au duc de Bourgogne, lequel luy avoit baillé sa main, non cuidant qu'il fust bourreau, parquoy comme dit est il luy fit couper la teste» (Ibid., курсив мой – O.T.).

<sup>24</sup> Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis 1476.

<sup>25</sup> Tyl-Labory 1992(b). P. 1431-1433.

<sup>26</sup> «Intravit eciam post hoc urbem Burgundionum dux Johannes, qui, cum quodam die, per vicos civitatis, equo vectus, obvium habuisset tortorem civitatis cognomento Capeluche, multa dictorum siccariorum satellitum turba stipatum et putans aliquem esse principem seu ducem militum, salutasset eum, et postea a suis qualis et quam vilis conditionis homo esset fuisset edoctus, eum captum supplicio publice affecit» (Basin 1964. T. 1. P. 60, курсив мой – O.T.).

И все же, несмотря на приведенные выше свидетельства авторов XV в., версия о том, что Жан Бесстрашный не признал в богато одетом человеке городского палача и подал ему руку при встрече, выглядит совершенно фантастической. Оставляя в стороне все возможные варианты «игры в переодевание», известные в Средневековье и в более позднее время, следует прежде всего принять во внимание особенность нашего случая, а именно – фигуру палача, оставшегося на протяжении всего этого периода (вплоть до XIX в.) парией, с которым старались не иметь никаких дел. Таких людей всегда селили на окраинах городов, к принадлежавшим им вещам брезговали прикасаться, к ним не желали наниматься в подмастерья, а их дети с самого рождения обречены были в свою очередь стать палачами, поскольку никакие иные ремесленные корпорации не принимали их в ученики, а получить хоть какое-то образование им также оказывалось невозможно<sup>27</sup>. Зная это, можем ли мы предположить, что кратковременное возвышение Капелюша до руководителя восстания парижской черни столь радикально изменило его положение, что в нем перестали видеть изгоя общества?

К сожалению, в текстах XV века мы почти не находим информации о герое нашей истории. Наиболее осведомленным из всех авторов этого времени был Парижский горожанин, который сообщал лишь, что в 1412 г. Капелюш стал (или уже являлся) помощником нового палача французской столицы – мэтра Жоффруа. Этот последний сам, видимо, исполнял те же обязанности, а пост палача занял благодаря случайному и весьма печальному событию: его предшественник умер от испуга, когда уже обезглавленный им преступник так толкнул колоду, на которой ему рубили голову, что она чуть не упала с эшафота<sup>28</sup>. Однако, уже в 1418 г. Капелюш значился в «Дневнике» Парижского горожанина палачом французской столицы<sup>29</sup>. То, что ранее он был подмастерьем, заставляет предположить, что он либо происходил из самых низов общества и не мог рассчитывать на обучение какому-то иному ремеслу, либо был родственником другого палача, отправившего своего отпрыска в обучение к коллеге, либо и вовсе – сыном (или, к примеру, зятем) мэтра Жоффруа<sup>30</sup>.

О собственной семье Капелюша нам также ничего не известно. Мы знаем лишь, что в 1418 г. у него имелось трое подручных, двое из которых окончили жизнь вместе с ним на плахе. Третий же стал его преемником, за несколько минут до экзекуции получившим от своего учителя

---

<sup>27</sup> Подробнее о положении палачей в обществах Западной Европы см.: Armand 2012. P. 33-37, 45-49, 70-71.

<sup>28</sup> “Depuis qu’il eut la tête coupée, bouta le tranchet si fort qu’à peu tint qu’il ne l’abattit, dont le bourreau eut telle frayeur, car il en mourut tantôt après six jours, et était nommé maître Geffroy. Après fut bourrel Capeluche, son valet” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 45).

<sup>29</sup> Ibid. P. 128-129.

<sup>30</sup> Такова была общая для Средневековья практика: Armand 2012. P. 35-44.

последние наставления в ремесле палача: перед смертью Капелюш лично объяснил ему, как именно следует рубить преступнику голову<sup>31</sup>.

И все же в биографии нашего героя был один, очень важный момент, который не стоит сбрасывать со счетов. Он служил в Париже, столице Франции, а потому считался не просто городским, но *королевским* палачом, что автоматически переводило его в категорию королевских *чиновников*. Очевидно, это давало некоторые послабления в его незавидной участи: в частности, он получал доход как смотритель бань и публичных домов, сконцентрированных в торговом районе *Les Halles*, где собственно он и был в конце концов арестован<sup>32</sup>.

Не следует забывать и о событиях, происходивших в городе всего за пять лет до волнений черни 1418 года, во главе которой оказался Капелюш. Ведь очень многие из участников этих беспорядков уже снискали себе, пусть и сомнительную, славу в 1413 г., когда в столице Франции разразилось восстание Кабошьенов. Народными предводителями тогда стали мастера цеха мясников во главе с Кабошем, действительно поддерживавшие герцога Бургундского<sup>33</sup>. В 1418 г. все они по-прежнему оставались на политической сцене, а сам Кабош вошел в число доверенных лиц Жана Бесстрашного. Однако Капелюша среди людей, получивших за свою верность некоторые бенефиции от герцога, не было. В настоящего «капитана» черни он превратился только в 1418 г., когда герои 1413 г. отошли на второй план<sup>34</sup>. Иными словами, никакого *постепенного* сближения между герцогом и палачом не происходило. Встреча их, если она вообще имела место, не была запланирована и оказалась совершенно случайной. И вполне возможно, что Жан Бесстрашный не испытал по этому поводу особой радости.

Впрочем, сообщения авторов XV в. о дружеских отношениях или о простом знакомстве наших героев, скорее всего, являлись домыслами, связанными с политическими событиями того времени. С одной стороны, в руках Капелюша на какое-то время действительно оказалась сосредоточена вполне реальная власть: не случайно современники именовали его «капитаном», стоящим во главе парижан и представлявшим угрозу для окружающих. И, с этой точки зрения, Капелюш – пусть лишь символически – мог уподобляться герцогу Бургундскому, также всеми силами стремившемуся заполучить Париж в свои руки. С другой стороны, Жан Бесстрашный не мог долго мириться с подобным положением

---

<sup>31</sup> “Et ordonna le bourreau au nouveau bourreau la manière comment il devait couper la tête, et fur délié et ordonna le tronchet pour son cou et pour sa face, et ôta du bois au bout de la doloire et à son coustel, tout ainsi comme s’il vouloit faire ledit office à un autre, dont tout le monde était ébahi; après ce, cria merci à Dieu et fut décollé par son val-et” (Journal d’un bourgeois de Paris 1990. P. 129).

<sup>32</sup> Armand 2012. P. 20-24, 30-33.

<sup>33</sup> Coville 1888. P. 403-405.

<sup>34</sup> Schnerb 1989. P. 113-130.

дел: все наши источники подтверждают, что он постарался как можно быстрее покончить с мятежниками, отослав большую их часть на помощь войскам, осаждавшим Монлери, и отправив на казнь оставленных в столице главарей восстания<sup>35</sup>. Что касается легенды о встрече Капелюша с герцогом, то она, как кажется, возникла прежде всего с целью выставить этого последнего главным виновником массовых убийств горожан. В этом случае палач становился всего лишь *инструментом* в руках своего покровителя, средством борьбы с партией арманьяков, члены которой более всего пострадали после захвата Парижа бургундцами. Ведь и Жан Жувеналь дез Урсен, и Тома Базен являлись, безусловно, сторонниками Карла VII...

Любопытно, что в рамках противостояния партий арманьяков и бургиньонов эпизод со встречей палача и герцога «прочитывался» и позднее, пусть даже делалось это порой неосознанно. Уже с конца XVIII столетия данная версия событий стала крайне популярной у французских историков. Мы встречаем ее, в частности, у аббата Милло, писавшего, что и восстание Кабошьенов, и события 1418 года организовал герцог Бургундский в качестве «мести» арманьякам. В массовых убийствах этих последних был, по мнению автора, виновен именно Капелюш: герцог плел с ним различные заговоры, дарил его своим расположением, так что палач имел обыкновение при встрече «протягивать герцогу руку в знак дружбы»<sup>36</sup>. Слово в слово данный пассаж воспроизводится у Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта, настаивавшем на столь тесных отношениях двух протагонистов, что Капелюш запросто мог взять герцога за руку «в знак единения и братских чувств»<sup>37</sup>.

Если у аббата Милло ссылки на знакомые ему тексты XV в. отсутствовали, то источником своих сведений Ле Брюн де Шарметт называл «Историю Карла VI» Жана Жувеняля дез Урсена, которую мог читать в издании 1614 г. Теодора Годфруа или в переиздании его сына Дени Годфруа 1653 г.<sup>38</sup> Очевидно, тем же сочинением воспользовался и Проспер Барант для создания «Истории герцогов Бургундских», опубликованной в 1820-е гг. и высоко оцененной как читателями, так и коллега-

---

<sup>35</sup> См., например: “Mais, entetant qu’ilz estoient là, le duc de Bourgoingne fist prendre aucuns de leurs complices qui estoient demourez, et les fist les testes copper et aucuns noyer. Capeluche, entre les aultres, eult la teste trenchie” (Chronique de Jean Le Fevre. T. 1. P. 338).

<sup>36</sup> “Le bourreau s’étoit mis à la tête de la populace. On vit le duc conférer avec lui, le traiter amicalement; et le bourreau, lui *donner la main en signe d’amitié*” (Millot 1770. P. 221, курсив мой – О.Т.).

<sup>37</sup> “Le bourreau, à la tête de la populace, présidait à ces scènes de carnage. On vit le duc de Bourgogne conférer avec lui, le traiter amicalement, et celui-ci *lui prendre familièrement la main, en signe d’union et de fraternité*” (Le Brun de Charmettes 1817.Т. 1. P. 52, курсив мой – О.Т.).

<sup>38</sup> Ibid. P. 52, note 1. Ле Брюн де Шарметт также ссылался на «Дневник» Парижского горожанина и «Хронику» Мишеля Пинтуэна: Ibid. P. 52, notes 2, 3.



ми-историками<sup>39</sup>. Здесь Капелюш вновь фигурировал в высоком звании «капитана», так что при встрече сам герцог «брал его за руку»<sup>40</sup>.

Однако своего апофеоза история встречи герцога и палача достигла в 1821 г., когда Ж.-Ш.-Л. Симонд де Сисмонди издал «Историю французов», в которой прикосновение Капелюша к руке Жана Бесстрашного чудесным образом трансформировалось в *рукопожатие*<sup>41</sup>. Данная оригинальная версия была затем воспроизведена в «Биографическом словаре» Фердинанда Хёффера 1855 г. и в «Популярной истории Франции» Анри Мартена 1868 г.<sup>42</sup> Наконец, она появилась во французской «Википедии»<sup>43</sup>, безболезненно дожив, таким образом, до наших дней, но оставляя в стороне еще один важный для историков вопрос: что за манипуляции с руками производили Капелюш и Жан Бесстрашный, если они на самом деле встречались.

\*\*\*

Представляется крайне сомнительным, чтобы этим жестом действительно являлось рукопожатие. Средневековая культура, как известно, знала довольно много действий, производимых именно руками, однако ни одно из них невозможно назвать рукопожатием<sup>44</sup>. Одним из наиболее распространенных и близких к нашему предполагаемому случаю являлся обычай подавания руки (или рук) – *manus dare* – к которому прибегали при принесении оммажа и который заключался во вложении сложенных или несложенных ладоней в руки сеньора. Однако тем же выражением *manus dare* могло быть описано прощание с гостеприимным хозяином, проявление дружеских чувств, принесение клятвы верности, сдача в плен или заключение договора. Тем не менее, в любой из этих ситуаций подобный жест не практиковался между господином и его незнатным слугой: благородный человек мог подать руку только равне<sup>45</sup>.

Помимо *manus dare* средневековые авторы использовали также выражение *manus promittere*, означавшее протягивание руки адресату

<sup>39</sup> Chateaubriand 1837. Т. 17. Р. 353-359.

<sup>40</sup> «*Il prit même la main, dit-on, au principal d'entre eux, qui semblaient conduire tout ce peuple, et qui n'était autre que Capeluche, le bourreau de la ville*» (Barante 1826. Т. 4. Р. 365, курсив мой – *O.T.*).

<sup>41</sup> «*Il fit alors arrêter Capeluche le bourreau, dont il se reprochoit d'avoir serré la main, et il lui fit trancher la tête*» (Sismondi 1828. Т. 12. Р. 552, курсив мой – *O.T.*).

<sup>42</sup> «*C'est alors, dit Sismondi, qu'il fit arrêter Capeluche, dont il se reprochait d'avoir serré la main, et lui fit trancher la tête*» (Hoefler 1854. Т. 8. Col. 572). См. также: Martin 1868. Т. 1. Р. 451.

<sup>43</sup> В «Википедии» приводится полный текст статьи из «Словаря» Ф. Хёффера: <http://fr.wikipedia.org/wiki/Capeluche>.

<sup>44</sup> Wildeblood 1965. Р. 137; Burrow 2002. Р. 34-38. Я глубоко признательна Д.А. Голубовскому за возможность ознакомиться с текстом его неизданной диссертации, посвященной символически невербальной коммуникации, а также с той литературой, которая была использована в этой работе: Голубовский 2008.

<sup>45</sup> Leyser 1994. Р. 191-192; Burrow 2002. Р. 14.

в знак достижения согласия, что также являлось весьма распространенным в это время жестом<sup>46</sup>. Что касается приветствия, то в английских источниках отмечалась еще одна его форма – удар по руке (*handclasp*). Кроме того, хозяин мог при встрече взять гостя за руку, дабы отвести в свой дом<sup>47</sup>. Приветственное же рукопожатие появилось, согласно современным исследователям, лишь в раннее Новое время: впервые как широко распространенный жест оно было зафиксировано в среде английских квакеров, откуда оказалось воспринято в других слоях общества, а также, вероятно, разошлось по соседним странам<sup>48</sup>.

Единственное, насколько можно судить, *средневековое* описание *рукопожатия* мы находим во франкоязычной хронике Йоркского аббатства св. Марии XIV в. Речь в интересующем нас пассаже шла, что для нас особенно важно, о встрече в 1381 г. в Смитфилде английского короля Ричарда II с Уотом Тайлером. Согласно хронисту, который опирался при этом на рассказ очевидца, руководитель восстания крестьян приблизился к монарху верхом на лошади, спешился, а затем, полупреклонив колено, взял своего высокопоставленного гостя за руку, крепко пожал ее и сказал: «Брат, отдохни как следует»<sup>49</sup>. Как отмечал Джон Барроу, подобное поведение выглядело особенно вызывающе по отношению именно к Ричарду II, который превыше всего ставил субординацию в отношениях между представителями разных сословий<sup>50</sup>. Тайлер же, начав приветствовать своего правителя, как и было положено ему по рангу, в действительности нарушил установленные правила: он не до конца преклонил колено, а затем и вовсе потряс руку короля в рукопожатии вместо того, чтобы принять ее в свои руки. Использование при этом не французского, а английского глагола (*to shake hand*) служило, возможно, указанием на то, что в Англии XIV в. подобный жест уже существовал. Дж. Барроу полагал, что таковым могло быть приветствие в низших слоях общества. Если это так, то рукопожатие Уота Тайлера, будучи оскорбительным для Ричарда II, являлось распространенным жестом в среде бунтовщиков и символизировало равенство всех перед всеми<sup>51</sup>.

Было бы весьма заманчиво использовать тот же ход рассуждений при анализе предполагаемых отношений герцога Бургундского и парижского палача – реального правителя и предводителя черни. Присмотримся, однако, еще раз к тому, какие выражения использовались в данном случае в источниках. Из авторов XV в. о прикосновении упоминал один

<sup>46</sup> Smith, Morris 1968. P. 134.

<sup>47</sup> Burrow 2002. P. 34-38.

<sup>48</sup> Roodenburg 1991. P. 177.

<sup>49</sup> “Quaunt il fuist descendu il prist le roy par la mayne dimy genolaunt et schaka a brace durement et fortement dissaunt a luy: ‘Frer, soiez de bone comfote et lee’” (цит. по: Burrow 2002. P. 37).

<sup>50</sup> Ibid. P. 37-38.

<sup>51</sup> Ibid. P. 38.

лишь Жан Жевеналь дез Урсен: по его мнению, герцог сам протянул руку Капелюшу, который дотронулся до нее (*il avoit touché au duc de Bourgogne, lequel luy avoit baillé sa main*)<sup>52</sup>. Тома Базен выражался более неопределенно: в его «Истории» герцог «здоровался» с палачом (*salutasset eum*), однако эти слова не указывали на какой-либо конкретный жест<sup>53</sup>. Аббат Милло и Ле Брюн де Шарметт настаивали, что Капелюш сам подавал руку герцогу в знак дружбы (*donner la main en signe d'amitié, prendre la main en signe d'union et de fraternité*), у П. Баранта они менялись местами, и теперь данный жест производил герцог (*prit la main*)<sup>54</sup>. Наконец, в трактовке Симонда де Сисмонди и более поздних авторов Капелюш пожимал руку своего визави (*serré la main*)<sup>55</sup>...

Возможно, если руку Жану Бесстрашному подавал палач, то жестом, который описывал дез Урсен и который с течением времени трансформировался в рукопожатие, могло стать хорошо знакомое людям Средневековья протягивание руки в знак признания власти правителя и подчинения ей. Если же инициативу проявлял сам герцог, то его рука могла быть протянута для поцелуя как выражение почтения целующего к своему сеньору либо как обещание покровительства со стороны правителя<sup>56</sup>. Иными словами, оба эти варианта были вполне возможны. Но то, что Капелюш оказался палачом, учитывая отношение к данной социальной группе в средневековом обществе, действительно должно было расстроить Жана Бесстрашного. Могло ли, однако, данное обстоятельство стать поводом для казни провинившегося?

\*\*\*

Источники XV в. по-разному описывали смерть Капелюша, и некоторые из них вовсе не указывали какой-то явной причины его бесславной кончины. Так, Жан Рауле – единственный, кто упоминал о герцоге как о «куме» палача, – вслед за тем сразу же сообщал о гибели этого последнего<sup>57</sup>. Тем не менее, одной из возможных причин казни Капелюша могло, вне всякого сомнения, стать его непосредственное участие в истреблении парижан летом 1418 года. Такой версии событий придерживались Клеман де Фокамберг и Мишель Пинтуэн, а чуть позднее – Пьер де Фенен, Ангерран де Монстреле и Жан ле Февр. Жан Бесстрашный, отмечали они, был весьма озабочен непрекращающимися бесчинствами в столице Франции, а потому он приказал казнить Капелюша и некоторых других зачинщиков бунта за их многочисленные преступления,

---

<sup>52</sup> См. прим. 21.

<sup>53</sup> См. прим. 26.

<sup>54</sup> См. прим. 36, 37, 40.

<sup>55</sup> См. прим. 41, 42, 43.

<sup>56</sup> Подробнее см.: Кулаева 2007. С. 102-119; Шрайнер 2007. С. 155-192.

<sup>57</sup> “Auquel Capeluche le duc de Bourgogne fist assez tost après copper la teste” (Chronique de Jean Raoulet 1858. P. 143).

освободив, таким образом, горожан от ежедневного ужаса<sup>58</sup>. Иными словами, от палача избавились как от одного из руководителей волнений.

Совершенно иной вариант развития событий предлагал Парижский горожанин. Он писал, что Капелюша приговорили к смерти за казнь беременной женщины, причем ее осудили за преступление, которого она не совершила<sup>59</sup>. Таким образом, вина палача заключалась в превышении должностных полномочий (*abus de justice*), а о мятеже, во главе которого он стоял, не говорилось ни слова. Впрочем, стоит заметить, что данная версия оказалась практически не востребованной в последующие века. Об убийстве женщин, в том числе беременных, в ходе восстания 1418 г. сообщали многие авторы, однако ни один из них не связывал данный факт со смертью самого Капелюша: это был всего лишь дополнительный штрих к описанию творившихся в Париже бесчинств<sup>60</sup>. И только в маргинальной помете на полях «Книги предательств, совершенных Францией по отношению к Бургундии», автор которой честно признавался, что он не знает причин казни палача<sup>61</sup>, неизвестный читатель отмечал, что тот оказался виновен в убийстве беременной<sup>62</sup>.

Наконец, в конце XV в. возникла третья версия гибели Капелюша. Жан Жувеналь дез Урсен и Тома Базен (а вслед за ними Симонд де Сисмонди и Фердинанд Хёффер в XIX в.) настаивали, что причина каз-

<sup>58</sup> “Dont les gens de justice du Conseil du Roy et de monseigneur de Bourgogne et les notables bourgeois de Paris furent moult courouciez et desplaisans de ladicte commocion... par la sentence et jugement du prevost de Paris, furent condempnez à mort et furent decapitez, et eurent chascun d’eulz ung poing copé es Halles de Paris, et leurs corps mis au gibet” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 152, 156). См. также: Chronique du Religieux de Saint-Denys. P. 269; Mémoires de Pierre de Fenin. P. 93; Chronique d’Enguerran de Monstrelet. Т. 3. P. 290; Chronique de Jean Le Fevre. Т. 1. P. 338.

<sup>59</sup> “[Furent] accusées aucunes femmes, lesquelles furent tuées et mises sur les carreaux sans robe que leur chemise, et à ce faire était plus enclin le bourreau que nul des autres; entre lesquelles femmes il tua une femme grosse, qui en ce cas n’avait aucune coulpe, dont il advint un peu de jours après qu’il en fut pris et mis au Châtelet” (Journal d’un bourgeois de Paris. P. 128-129).

<sup>60</sup> “Durant laquelle assemblée ou commocion furent esdictes prisons et ailleurs à Paris tuez et mis à mort environ de iii<sup>ix</sup> à cent personnes, entre lesquelles il y ot trois ou quatre femmes tuez, si comme on disoit” (Fauquembergue 1903. Т. 1. P. 151). “Crudelitate nequissima execrabilia homicidia consummans, quamdam insignem et pulcherrimam domicellam, nomine..., expoliata coram omnibus decollavit, alleguans solum quod ipsam Armeniacam reputabat” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. Т. 6. P. 264). “Et y avoit un bourrel, nommé Capeluche ...lequel estoit mout malvais, et tuoit hommes et femmes, sans commandement de justice, par les rues de Paris, tant par hayne, comme pour avoir le leur” (Mémoires de Pierre de Fenin. P. 93). “Or ne tuoit-on pas seulement les hommes, mais les femmes et enfans: mesme il y eut une femme grosse qui fut tuée, et voyoit-on bien bouger, ou remuer son enfant en son ventre, sur quoi aucuns inhumains disoient: “Regardez ce petit chien qui se remuë”” (Jouvenel des Ursins. Т. 2. P. 542).

<sup>61</sup> “Et, ne sçay à quelle ochoison, mais ou mesme an il-mesme fut décapité sur le hourt devant les Halles” (Le Livre des trahisons de la France. P. 138).

<sup>62</sup> “Pour ce que par ses facteurs avoit fait accuser une femme enchainte, laquelle il fist morir trop hastivement” (Ibid. P. 138, note 2).

ни заключалась в оскорблении, которое нанес палач герцогу, прикоснувшись к его руке (или пожав ее)<sup>63</sup>. Однако, даже если сам факт встречи наших героев и имел место в действительности, непозволительное поведение одного из них вряд ли могло спровоцировать столь серьезную реакцию: известные по другим (хотя и более поздним) источникам подобные истории в худшем случае заканчивались публичным покаянием палачей, но не их смертью<sup>64</sup>.

Более обоснованной, как мне кажется, являлась трактовка, предложенная Парижским горожанином. Казнь беременной женщины на протяжении всего Средневековья рассматривалась как уголовное преступление, как убийство<sup>65</sup>. И, несмотря на то, что наказанию в подобных делах подвергались обычно судьи, вынесшие приговор, в случае Капелюша данное обстоятельство могло быть использовано как предлог, дабы разделаться с ним. Иными словами, наиболее вероятной причиной ареста и последующей казни палача стало его участие в восстании парижской черни. Подсказкой может здесь служить и тип наказания, избранный для Капелюша, которому отрубили голову. Средневековое право предусматривало подобную казнь всего для двух категорий преступников: для людей знатных и/или для предателей<sup>66</sup>. Как руководитель бунта, презревший законную власть, Капелюш, вне всякого сомнения, подпадал под второе определение. В частности, именно предателем считал его и других участников событий 1418 г. Мишель Пинтуэн, сравнивавший их с Иудой<sup>67</sup>. Впрочем, подобное наказание могло указывать и на то, что современники действительно воспринимали палача как приближенного герцога Бургундского, т.е. как человека знатного. Или – что еще более вероятно – тип казни мог сам по себе натолкнуть более поздних авторов на спекуляции относительно «знатности» их героя...

В заключение следует признать, что мы не слишком приблизились к разгадке странной истории, приключившейся в Париже в августе 1418 года. Палач и герцог по-прежнему пребывают в королевстве кривых зеркал, куда попали благодаря разноголосице писавших о них на протяжении нескольких веков историков. Были ли они знакомы, встречались ли когда-нибудь и как себя при этом вели, так и останется для нас неизвестным. Можно констатировать лишь одно: человеческая память настолько прихотлива, что даже из палача может сделать приближенного могущественного правителя – пусть даже и на очень краткий миг...

---

<sup>63</sup> См. прим. 23, 26.

<sup>64</sup> Armand 2012. P. 46.

<sup>65</sup> Ibid. P. 131-132.

<sup>66</sup> Morel 2007. P. 53-59.

<sup>67</sup> “*Quotquot scelerum patratorem circumstancias dampnabiles audierunt, ipsas impacienter tulerunt, supplicantes ut actores cum Juda traditore eternam, ut meruerant, reciperent porcionem, prius tamen justicie audacia concessa temporaliter animadvertendi in ipsos*” (Chronique du Religieux de Saint-Denys. P. 269).

## БИБЛИОГРАФИЯ

- Голубовский Д.А. Невербальная коммуникация в древнерусских письменных источниках: Опыт семантического анализа. Дисс. к.и.н. М., 2008 (на правах рукописи).
- Кулаева С.Б. Жесты власти – жесты молитвы. Исследование иконографии молитвенной жестикуляции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006 / Под ред. М.А. Бойцова, И.Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С.102-119.
- Уваров П.Ю. Париж XV века: события оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории – 1993. М., 1994. С. 175-193.
- Цатурова С.К. Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // Человек XV столетия: грани идентичности / Под ред. А.А. Сванидзе, В.А. Ведюшкина. М., 2007. С. 159-180.
- Шрайнер К. «Да лобзает он меня лобзанием уст своих» // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2006. Вып. 8. М., 2007. С. 155-192.
- Armand F. Les bourreaux en France. Du Moyen Age à l'abolition de la peine de mort. P., 2012.
- Barante P. Histoire des ducs de Bourgogne. P., 1826.
- Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964.
- Burrow J.A. Gestures and Looks in Medieval Narrative. Cambridge, 2002.
- Chateaubriand. Sur l'Histoire des duc de Bourgogne // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. T. 17. P. 353-359.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet / Publ. par L. Douët-D'Arceq. P., 1857–1862.
- Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis depuis les Troyens jusques à la mort de Charles VII / Publ. par Pasquier Bonhomme. P., 1476.
- Chronique de Jean Raoulet // Chartier J. Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. T. 3.
- Chronique de Jean Le Fevre, seigneur de Saint-Remy / Ed. par Fr. Morand. P., 1876-1881.
- Chronique du Religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. 6 vol. P., 1839-1852.
- Coville A. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.
- Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment entre les mains de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, au mois d'août 1418 // Le Roux de Lincy A., Tisserand L.M. Paris et ses historiens aux XIV<sup>e</sup> et XV<sup>e</sup> siècles. P., 1867. P. 371-389.
- Fauquembergue C. de. Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903-1915.
- Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Hoefér F. Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1854.
- Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990.
- Jouvenel des Ursins. Histoire de Charles VI // Nouvelle Collection de Mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par Michaud et Poujoulat. P., 1836.
- Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. P., 1817.
- Leyser K. Ritual, Ceremony and Gesture: Ottonian Germany // Leyser K. Communication and Power in Medieval Europe: The Carolingian and Ottonian Centuries. L., 1994. P. 191-213.
- Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Martin H. Histoire de France populaire. P., 1868.
- Mémoires de Pierre de Fenin / Ed. par M.-L.-E. Dupont. P., 1837.
- Millot (abbé). Eléments de l'Histoire de France. P., 1770.
- Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIII<sup>e</sup> au XV<sup>e</sup> siècle. P., 2007.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849.

- Roodenburg H. The “Hand of Friendship”: Shaking Hands and other Gestures in the Dutch Republic // Bremmer J., Roodenburg H. A Cultural History of Gesture. Ithaca; N.Y., 1991. P. 152-189.
- Schnerb B. Caboches et Capeluche: Les insurrections parisiennes au début du XV<sup>e</sup> siècle // Les révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen Age à nos jours / Ed. par F. Bluche et S. Rials. P., 1989. P. 113-130.
- Simondi J.Ch.L. *Simonde de*. Histoire des français. P., 1828.
- Smith C.C., Morris J. On ‘Physical’ Phrases in Old Spanish Epic and Other Texts // Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society (Literary and Historical Section). Vol. XII (June 1966 – April 1968). Leeds, 1968. P. 129-190.
- Tyl-Labory G. Jean Juvenal des Ursins // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(a). P. 795-797.
- Tyl-Labory G. Thomas Basin // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(b). P. 1431-1433.
- Wildblood J. The Polite World: A Guide to English Manners and Deportment from the Thirteenth to the Nineteenth Century. L., 1965.

#### REFERENCES

- Golubovsky D.A. Neverbal'naya kommunikaziya v drevnerusskikh pis'mennih istochnikah: Opit semanticheskogo analiza. Diss. kand. istoricheskikh nauk. M., 2008 (unpublished).
- Kulaeva S.B. Zesti vlasti – zesti molitvi. Issledovanie ikonografii molitvennoj zestikuljazii // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2006 / Ed. by M.A. Boitsov, I.N. Danilevskij. Vol. 8. Moscow, 2007. S. 102-119.
- Uvarov P.Yu. *Paris XV veka: sobitija, ozenki, mnenija...* Obshestvennoje mnenije? // Odisseus. Chelovek v istorii – 1993. Moscow, 1994. S. 175-193.
- Tsaturova S.K. Tangui du Chatel i uspešnij zagovor chinovnikov (rizar' na službe korone Francii) // Chelovek XV stoletija: grani identičnosti / Ed. by A.A. Svanisze, V.A. Vedushkin. Moscow, 2007. S. 159-180.
- Schriner K. «Da lobzaet on menja lobzanijem ust svoih» // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2006. Vol. 8. Moscow, 2007. S. 155-192.
- Armand F. Les bourreaux en France. Du Moyen Age à l'abolition de la peine de mort. P., 2012.
- Barante P. Histoire des ducs de Bourgogne. P., 1826.
- Basin T. Histoire de Charles VII / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964.
- Burrow J.A. Gestures and Looks in Medieval Narrative. Cambridge, 2002.
- Chateaubriand. Sur l'*Histoire des duc de Bourgogne* // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1837. T. 17. P. 353-359.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet / Publ. par L. Douët-D'Arceq. P., 1857-1862.
- Chroniques de France appelées chroniques de Saint-Denis depuis les Troyens jusques à la mort de Charles VII / Publ. par Pasquier Bonhomme. P., 1476.
- Chronique de Jean Raoulet // Chartier J. Chronique de Charles VII / Ed. par A. Vallet de Viriville. P., 1858. T. 3.
- Chronique de Jean Le Fevre, seigneur de Saint-Remy / Ed. par Fr. Morand. P., 1876-1881.
- Chronique du Religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI, de 1380 à 1422 / Ed. et trad. par L.-F. Bellaguet. 6 vol. P., 1839-1852.
- Coville A. Les cabochiens et l'ordonnance de 1413. P., 1888.
- Etat des bourgeois de Paris qui prêtèrent serment entre les mains de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, au mois d'août 1418 // Le Roux de Lincy A., Tisserand L.M. Paris et ses historiens aux XIV<sup>e</sup> et XV<sup>e</sup> siècles. P., 1867. P. 371-389.
- Fauquembergue C. de. Journal / Ed. par A. Tuetey. P., 1903-1915.
- Guenée B. Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. P., 1992.
- Hoefler F. Nouvelle biographie générale depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. P., 1854.
- Journal d'un bourgeois de Paris de 1405 à 1449 / Ed. par C. Beaune. P., 1990.

- Jouvenel des Ursins*. Histoire de Charles VI // Nouvelle Collection de Mémoires pour servir à l'histoire de France / Ed. par Michaud et Poujoulat. P., 1836.
- Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. P., 1817.
- Leyser K.* Ritual, Ceremony and Gesture: Ottonian Germany // Leyser K. Communication and Power in Medieval Europe: The Carolingian and Ottonian Centuries. L., 1994. P. 191-213.
- Le Livre des trahisons de la France envers la maison de Bourgogne* // Chroniques relatives à l'histoire de la Belgique sous la domination des ducs de Bourgogne / Publ. par K. de Lettenhove. Bruxelles, 1873.
- Martin H.* Histoire de France populaire. P., 1868.
- Mémoires de Pierre de Fenin / Ed. par M.-L.-E. Dupont. P., 1837.
- Millot (abbé)*. Elémens de l'Histoire de France. P., 1770.
- Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIII<sup>e</sup> au XV<sup>e</sup> siècle. P., 2007.
- Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vol. P., 1723-1849.
- Roodenburg H.* The "Hand of Friendship": Shaking Hands and other Gestures in the Dutch Republic // Bremmer J., Roodenburg H. A Cultural History of Gesture. Ithaca; N.Y., 1991. P. 152-189.
- Schnerb B.* Caboché et Capeluche: Les insurrections parisiennes au début du XV<sup>e</sup> siècle // Les révolutions françaises. Les phénomènes révolutionnaires en France du Moyen Age à nos jours / Ed. par F. Bluche et S. Rials. P., 1989. P. 113-130.
- Sismondi J.Ch.L. Simonde de.* Histoire des français. P., 1828.
- Smith C.C., Morris J.* On 'Physical' Phrases in Old Spanish Epic and Other Texts // Proceedings of the Leeds Philosophical and Literary Society (Literary and Historical Section). Vol. XII (June 1966 – April 1968). Leeds, 1968. P. 129-190.
- Tyl-Labory G.* Jean Juvenel des Ursins // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(a). P. 795-797.
- Tyl-Labory G.* Thomas Basin // Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Le Moyen Age / Sous la dir. de G. Hasenohr, M. Zink. P., 1992(b). P. 1431-1433.
- Wildeblood J.* The Polite World: A Guide to English Manners and Deportment from the Thirteenth to the Nineteenth Century. L., 1965.

*Тогоева Ольга Игоревна*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; [togoeva@yandex.ru](mailto:togoeva@yandex.ru)

### **A story of one handshake: from the fiction of medieval chroniclers to the speculations of modern historians**

The article deals with the story of handshake which presumably took place between John the Fearless, the Duke of Burgundy, and Capeluche, the royal executioner of Paris and the head of the riot of the brigands in 1418. The author analyses all the medieval chronicles which described this (pseudo)historical episode (i.e. "Chronique du Religieux de Saint-Denys", "Journal d'un bourgeois de Paris", "Journal" of Clement de Fauquembergue, the chronicles of Enguerran de Monstrelet, Jean Raoulet and Jean Le Fevre, "Histoire de Charles VI" of Jean Jouvenel des Ursins, "Histoire de Charles VII" of Thomas Basin) as well as the modern French historiography of the 18<sup>th</sup>-20<sup>th</sup> cc. She tries to clarify all the circumstances of this contact, to answer the question whether the real handshake was possible in the Medieval France and to understand the real reasons of Capeluche's execution.

**Keywords:** France, 15<sup>th</sup> century, historical memory, the Hundred Years war, Paris, John the Fearless, the executioner Capeluche

*Olga Togoeva, Dr.Sc. (History), Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; [togoeva@yandex.ru](mailto:togoeva@yandex.ru)*